

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

© 2019 А.В. ПРОКОФЬЕВ

БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ: АНАЛИЗ МОРАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ

Прокофьев Андрей Вячеславович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора этики. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Профессор кафедры философии и культурологии. Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. Российская Федерация, 300026 Тула, пр-т Ленина, д. 125. Электронная почта: avprok2006@mail.ru

Аннотация. Анализируются общий смысл и место в опыте практического самоопределения человека такой характеристики моральных принципов и суждений, как беспристрастность. Установлено, что существует возможность рассматривать беспристрастность в качестве одной из формальных характеристик морали. В данном случае беспристрастность оказывается прямым следствием специфики употребления моральных понятий в процессе выбора и оценки поступков. Однако необходимость беспристрастного отношения ко всем реципиентам действия можно обсуждать и в перспективе базового нормативного содержания морали. Здесь требование быть беспристрастным определяется непосредственно идеей равной ценности интересов и потребностей всех людей. Автор рассматривает второй подход как более перспективный. В современной этике был выдвинут тезис о том, что обязанность быть беспристрастным сопровождает лишь некоторые моральные требования. По мнению Б. Герта, эту обязанность следует соблюдать при исполнении

Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ); грант № 18–18–00068.

норм-запретов и выявлении случаев их оправданного нарушения. Реализация позитивных предписаний (идеалов), с точки зрения философа, допускает свободное предпочтение «своих» или близких людей. Однако анализ системы общераспространенных моральных убеждений не подтверждает мысль Герта. Беспристрастная установка уместна и в данном контексте, хотя в некоторых конкретных обстоятельствах она преодолевается важностью персонализированных связей и привязанностей. Существенно, что такое преодоление само должно получить обоснование в непристрастной перспективе, учитывающей равную ценность всех людей. Последнее обстоятельство указывает на исполнение непристрастностью в области морали двойной роли: критерия выбора правильных поступков (непристрастность первого порядка) и критерия отбора конкретизированных принципов (непристрастность второго порядка). В статье предпринята попытка продемонстрировать, что самостоятельная роль непристрастности второго порядка не может быть аннулирована и сочетание двух функций непристрастности не создает неразрешимых нормативных и мотивационных парадоксов.

Ключевые слова: мораль, непристрастность, формальные свойства морали, универсальность, содержание морали, непристрастность первого порядка, непристрастность второго порядка.

Ссылка для цитирования: Прокофьев А.В. Беспристрастность: анализ морального понятия // Человек. 2019. Т. 30, № 4. С. 6–24

DOI: ...

А.В. Прокофьев
Беспристрастность: анализ морального понятия

Для человека, который выбирает собственную линию поведения или оценивает поведение другого на основе моральных ценностей, важно знать, в каких случаях допустимо ограничивать круг объектов помощи и заботы «своими» или близкими людьми, а в каких — подобное ограничение становится нарушением нравственного долга. Эта потребность является одним из факторов, поддерживающих остроту целого ряда дискуссий о нормативных основаниях индивидуальной деятельности и функционирования социальных институтов (имеются в виду споры о содержании дружеских и родительских обязанностей, роли семьи в справедливом обществе, об общих принципах международного распределения ресурсов и регулирования миграционных процессов). Отстаивая свою правоту, участники подобных споров, как правило, используют термин «непристрастность». Одни упрекают своих оппонентов в отсутствии должной непристрастности, другие — в превратной интерпретации сути непристрастного отношения к другим людям. Та роль, которую понятие «непристрастность» играет в упомянутых дискуссиях, показывает, что основная цель данного исследования — выявление места непристрастности в опыте практического самоопределения человека — имеет не только теоретическое значение.

Общий смысл понятия

Слово «беспристрастность» по смыслу связано со способностью морального деятеля дистанцироваться от тех своих предпочтений в отношении групп и лиц, которые возникают в связи с особенностями его личности и уникальными обстоятельствами его жизненного пути. Такая дистанция позволяет деятелю принимать во внимание только объективные критерии оценки и принятия решений. Беспристрастный человек — тот, кто способен преодолеть собственную предвзятость в ситуации, когда личные симпатии или антипатии, привязанности или отсутствие таковых подталкивают его к такому обращению с другими людьми, которое расходится с моральным требованием. Б. Герт попытался уточнить этот общий смысл понятия беспристрастности так, чтобы оно стало общепринятым техническим термином этической теории. Исследователь предположил, что использование данного понятия связано с наличием конкретной группы людей, затронутых определенным действием (поведением) и определенным отношением, в котором это действие (поведение) затрагивает их интересы. Иными словами, беспристрастность имеет место там, где у деятеля есть персональные основания дифференцировать затронутых его действиями людей (реципиентов его действия), но он игнорирует эти основания по принципиальным соображениям. Гертом дано формальное определение беспристрастности: «А беспристрастен в том, что касается R, по отношению к группе G, если и только если на действия A, касающиеся R, никак не влияет, кто именно из членов группы G получит выгоду или понесет потери от этих действий» [8, р. 132].

Уточнение Б. Герта важно по двум причинам. Во-первых, оно показывает, что не существует беспристрастности самой по себе. Если кто-либо проявляет беспристрастность, то это происходит в контексте взаимодействия с определенной группой лиц и применительно к определенному воздействию на данную группу. Вместе с тем воздействие может содержать элемент пристрастности в каком-то ином отношении или по отношению к другим группам реципиентов. Во-вторых, сделанное философом уточнение позволяет отграничить беспристрастность от другой позитивной характеристики действий и оценок — их последовательности. Непоследовательное поведение, в отличие от небеспристрастного, может опираться на любые мотивационные основания, а не только на предвзятое отношение деятеля к кому-то из реципиентов. Герт в этой связи приводит пример с бейсбольным судьей, который в каких-то случаях пренебрегает правилами игры — теряет беспристрастность, когда подсуживает какой-то одной из команд. А непоследовательно он может вести себя по самым разным причинам [см.: *ibid*, р. 132–134]. Если модифицировать пример Герта для условий более привычного для нас

футбола, судья, игнорирующий офсайд, может делать это не только будучи заинтересованным в победе одной из команд, но также из прихоти или в попытке увеличить количество красивых и результативных атак. Вполне вероятно, что какая-то из команд теряет от его манеры судейства больше, чем другая. Однако непоследовательному судье все равно, кто именно получает преимущество от его решений. Судья либо спонтанно поддается переменам своего настроения, либо пытается сделать игру более зрелищной, предоставив больше свободы нападающим. Конечно, если переопределить группы реципиентов, то какие-то формы «чистой» непоследовательности могут оказаться проявлением пристрастности. Можно, например, сказать, что спортивная эстетика судьи заставляет его проявлять пристрастность к нападающим и содержит элемент предвзятости в отношении вратарей и защитников. Но в том, что касается команд, судья остается беспристрастным.

Определение беспристрастности Б. Герта служит отправной точкой обсуждения данного явления, но оно не отражает тех его аспектов, которые относятся к мотивационной стороне принятия морально значимых решений. Беспристрастность действительно ведет к тому, что смена реципиента действия, принадлежащего к релевантной группе, не сопровождается изменениями в поведении деятеля. Однако одинаковое обращение деятеля с каждым из членов этой группы определяется не простым безразличием к итоговому положению каждого из них, а сознательной установкой на дистанцирование от части собственных переживаний. Даже при наличии тех или иных личных предпочтений в отношении затрагиваемых поступком людей беспристрастный человек действует так, как будто бы их (предпочтений) нет. Он преодолевает влияние своих предпочтений на процесс принятия решения и одновременно возможные негативные последствия самого этого преодоления. Ведь в стремлении предотвратить влияние своих симпатий и привязанностей на характер принимаемых решений деятель может начать систематически ущемлять интересы уже тех, кому симпатизирует и к кому привязан, либо использовать такие нормативные критерии, в свете которых потери и приобретения симпатичных ему или близких людей будут менее весомыми, нежели тех, к кому он безразличен или настроен неприязненно.

Сохранение беспристрастной установки предполагает постоянную работу воображения, в ходе которой деятель моделирует ситуацию отсутствия привязанностей и симпатий, а также антипатий, опыта враждебных отношений, корыстной заинтересованности в улучшении или ухудшении положения других людей. Человек, стремящийся быть беспристрастным, постоянно конструирует альтернативную реальность, в которой он либо обладает иной идентичностью, либо действует в условиях информационных ограничений. Он задается вопросами: «А что, если бы решение

А.В. Прокофьев
Беспристрастность: анализ морального понятия

но так формируются моральные требования, связанные с ценностью честности, или справедливости. То обстоятельство, что действующее лицо обладает такой же ценностью, как и окружающие его люди, дополняет содержание морали нормами, регулирующими защиту деятелем собственных интересов от покушений на них со стороны других людей [см. подробнее: 2].

Беспристрастность может рассматриваться как одна из составляющих формы морали, которую можно надежно зафиксировать в виде описания фактов на основе анализа морального языка. Основная идея данного подхода такова: моральные требования и суждения претендуют на универсальность и, значит, имплицитно содержат в себе необходимость беспристрастной установки в отношении всех затронутых действием людей. Беспристрастность есть аспект формальной универсальности морали. Проследить такое соотношение между беспристрастностью и универсальностью позволяет этика Р. Хэара. В центре предложенной исследователем интерпретации универсальности — понятие «универсальное свойство» (это может быть свойство действия или свойство каких-то элементов ситуации, в которой действие совершается). Свойство является универсальным, когда его описание не имеет указаний на конкретных индивидов или конкретные место и время совершения действия. Моральные принципы содержат универсальные описания и поэтому распространяются на ряд идентичных в определенном отношении ситуаций. В таких ситуациях требуется совершать одинаковые действия и выносить одинаковые суждения [см.: 9]. Переход на язык морали, то есть использование в речи понятий, указывающих на совершенство/несовершенство характеров и правильность/неправильность поступков, влечет за собой ряд последствий, которые проще всего показать на фоне стандартных для любой морально значимой ситуации ролевых позиций. В список последних, кроме уже обсуждавшихся фигур деятеля и реципиента действия, необходимо добавить фигуру внешнего оценивающего наблюдателя.

Представим себе деятеля, который совершает поступок, исходя из моральных соображений. При этом он подразумевает:

- в отношении других деятелей, имеющих те же универсальные свойства, что и он, и находящихся в ситуациях, идентичных его нынешней ситуации, — «Эти деятели должны совершить то же самое, что и я»;
- в отношении самого себя в ситуациях, идентичных данной, — «Я должен совершить то же самое, что и сейчас, несмотря на возможные изменения в моем психическом состоянии»;
- в отношении внешних наблюдателей в данной ситуации и в иных, идентичных ей ситуациях — «Они должны одобрить совершенное мной действие, в противном случае я имею право их осудить»;

А.В. Прокофьев
Беспристрастность: анализ морального понятия

• в отношении реципиентов в ситуациях, идентичных данной,— «Я должен совершить то же самое, что и сейчас, несмотря на то что люди, затронутые моим действием, будут уже другими».

Из приведенного перечня обязательств и ожиданий, сопровождающих использование моральной лексики, следует, что деятель рассматривает нормативные основания своего поступка как общеадресованные (первый и второй случаи), вызывающие признание со стороны всех разумных и добросовестных деятелей (третий случай) и требующие беспристрастности при реализации (четвертый случай). Впрочем, всмотревшись в представленный перечень пристальнее, можно обнаружить, что беспристрастность играет в нем даже более существенную роль, выходящую за пределы четвертого случая. Так, беспристрастность присутствует во втором случае, если отказ деятеля от совершения аналогичного поступка в ситуации, идентичной данной, интерпретировать как проявление пристрастного отношения к собственным потерям, понесенным вследствие соблюдения нормы. Деятель, снимающий с себя обязанность быть беспристрастным, воспринимает подобные потери в качестве более весомых в сравнении с потерями других людей, к которым эта норма также обращена. Равным образом в третьем случае именно недостаток беспристрастности может быть основанием (правда, одним из многих, наряду с искажением способности к моральной оценке, небрежностью при анализе ситуации и т.д.) для суждения внешнего наблюдателя, не одобрявшего правильный, с точки зрения деятеля, поступок.

Когда беспристрастность рассматривается как формальное свойство моральных принципов и оценок (суждений), то она налагает на деятеля довольно скромные ограничения. Беспристрастный человек просто не отклоняется от того обращения с другими людьми, которое считает должным, на основе особого личного отношения к кому-то из реципиентов своих действий или личной заинтересованности в распределении выгод и потерь между ними. У него могут возникнуть подозрения, что элемент субъективности включен в само это якобы должное обращение, и тогда он подвергнет критике какие-то требования именно как лишённые беспристрастности. Однако такая критика не обязательно ведет к признанию равной ценности каждого человека и стремлению к благу другого, то есть к принятию ядерного нормативного содержания морали. Беспристрастно можно реализовать самые бесчеловечные идеалы (прежде всего бесчеловечные интерпретации понятия «справедливость») [см.: 6].

Теоретики, придающие беспристрастности статус формального свойства морали, как правило, делают это в связи со стремлением обосновать содержание морали на основе ее формы. Вывод о том, что обязанность способствовать благу другого человека невозможно вывести из требования быть беспристрастным,

обесценивает проект анализа беспристрастности в формальной перспективе, а вместе с ним — и сами попытки выделить строго формальную сторону моральных принципов и оценок. Ту же роль играет вывод о невозможности создать сугубо формальное определение морали, одним из пунктов которого могла бы стать беспристрастность. Дело в том, что формальные определения не способны строго разграничить моральные, эстетические и религиозные явления. Следовательно, пытаясь обнаружить истоки моральной беспристрастности, уместнее отталкиваться не от формы морали, а от ее нормативного содержания. Тогда необходимость беспристрастного отношения ко всем реципиентам действия окажется непосредственным результатом признания равной ценности каждого человека.

Моральное равенство само по себе требует от деятеля, чтобы тот закрывал глаза на свои симпатии и антипатии, привязанности и вражду к тем, кого затрагивают его поступки. Ведь вражда и антипатия ничего не могут отнять от моральной ценности другого человека, а симпатия и привязанность — к ней прибавить. Для деятеля, который в своем поведении руководствуется тем, что благо представителей человеческого рода является самостоятельной ценностью и целью, разное обращение с ними может быть оправдано лишь в связи с обладанием ими разной степенью уязвимости по отношению к поступкам деятеля. Реализация указанной установки затруднена тремя обстоятельствами:

- неинструментальная ценность каждого человека превращает его не только в потенциальный объект помощи и заботы, но и в обладателя определенных моральных, сложных по составу и структуре прав;
- каждый человек уникален, и эту уникальность необходимо учитывать, содействуя его благу;
- обращение с другим человеком определяется не только его равной моральной ценностью, но и характером его намеренной деятельности, которая может быть вредной или, наоборот, полезной для окружающих.

Несмотря на серьезность связанных с перечисленными обстоятельствами затруднений, их нельзя считать фатальными. Необходимость соблюдения прав, учета индивидуальной специфики реципиентов и способов использования ими своей свободы не устраняют обязательность беспристрастной установки, а лишь подчеркивают тот факт, что реализация последней не может быть простой и прямолинейной.

Если беспристрастность связывать не с формой, а с содержанием морали, то Гертово определение беспристрастности следует модифицировать. В нем будет идти речь уже не о любых группах и любом воздействии на их членов, а обо всех людях, которые в частных обстоятельствах конкретизируются в виде группы лю-

А.В. Прокофьев
Беспристрастность: анализ морального понятия

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
**ФИЛО-
 СОФИЯ
 ЧЕЛОВЕКА**
 ■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

дей, затронутых последствиями действия, и обо всей совокупности различных воздействий на их безопасность, благосостояние, свободу и т.д. Именно в такой широкой перспективе моральный деятель стремится избежать влияния на свои решения индивидуальной заинтересованности и индивидуальных предпочтений (рис. 1).

Рис. 1. **Василий Суриков.** Милосердный самарянин. 1874. Красноярский художественный музей им В.И. Сурикова

Евангельская притча о милосердном (добром) самарянине — яркая иллюстрация того, как убежденность деятеля в равной моральной значимости всех людей нейтрализует действие (значимость) его партикулярных предпочтений и связей.

Целое и часть

Обсуждая предыдущий вопрос, я исходил из той предпосылки, что вне зависимости от своих истоков и оснований беспристрастная установка по отношению к другим людям необходима при исполнении любых моральных требований. Однако данная предпосылка не самоочевидна. Ведь может оказаться, что беспристрастность — не универсальное, а локальное явление в мире моральных ценностей и норм. Подобной точки зрения придерживался Б. Герт. По предположению философа, существуют три

сферы применения моральной беспристрастности. Прежде всего это область исполнения нравственных запретов в широком диапазоне — от нормы «не убивай» до норм «не лги» и «не мошенничай». Деятель должен воздерживаться от вредящих действий по отношению ко всем, кому он мог бы причинить вред, независимо от личного отношения к ним и личных отношений с ними. Другая сфера беспристрастности — морально обоснованные нарушения запретов. В некоторых ситуациях деятель может и даже должен нарушить запрет на причинение вреда для того, чтобы предотвратить более существенный вред. При этом он ориентируется на ту часть нормативного содержания морали, которая фиксирует обязанность предотвращения вреда и которую Герт назвал «моральными идеалами». Соотнося причиненный и предотвращенный вред, деятель также не вправе опираться на свои персональные предпочтения в отношении тех или иных лиц. Наконец, третью область беспристрастности составляет реализация моральных идеалов общественными институтами. Деятель, выполняющий свои служебные или профессиональные обязанности внутри таких институтов, должен дистанцироваться от связей, которые соединяют его со «своими» и близкими людьми (рис. 2).

А.В. Прокофьев
Беспристрастность: анализ
морального
понятия

Рис. 2. Гийом Гийон-Летьер. Брут осуждает своих сыновей на смерть. 1788. Институт искусств С. и Ф. Кларк, Уильямстаун, США

На картине — один из исторических сюжетов, который традиционно выступал в качестве примера беспристрастности решений, принимаемых служителями общественного блага. Сыновья римского консула Луция Брута были приговорены им к смертной казни за участие в монархическом заговоре.

Между тем, как подчеркивает Герт, за пределами трех указанных сфер беспристрастности находится пространство индивидуального воплощения моральных идеалов, не сопровождающегося причинением вреда. В нем требование беспристрастности не действует. Несмотря на то, что моральные идеалы («сохраняй жизнь», «облегчай боль», «помогай тем, кто в нужде») выражены в той же универсальной форме, что и запреты, они, в отличие от последних, предполагают свободу в выборе реципиентов помогающего или заботливого поведения [см.: 8, p. 214–215, 240, 253–255].

Можно ли согласиться с тезисом Герта о том, что беспристрастность присутствует в морали только в трех ограниченных областях? На мой взгляд, подобное утверждение недостаточно обосновано. Возьмем для примера центральный моральный идеал из гертовского набора — оказание помощи нуждающимся. Его реализация явно подчинена безличным критериям, связанным со степенью нуждаемости и количеством нуждающихся. Представим себе случай, в котором от деятеля зависит спасение жизни или избавление от одинаково тяжелого страдания двух групп, причем помочь он может только одной из них. Группы различаются по размеру. С их членами деятель не связан узами близости или симпатии. И даже более того — он вообще ничего не знает об этих людях, кроме того, что те находятся в опасности. Единственным фактором, предопределяющим выбор деятеля, в данном случае становится размер групп — деятель будет применять правило «спасай большинство». Используя названное правило, он не примет во внимание, кто именно из всей совокупности людей, которых можно спасти в сложившейся ситуации, получит выгоду или понесет потери вследствие его действий. Спасен будет тот, кому посчастливилось оказаться в большей группе. Таким образом, перед нами пример нормативно заданной, обязательной беспристрастности при реализации одного из гертовских моральных идеалов.

Можно было бы предположить, что беспристрастность здесь обязательна только потому, что условия ситуации исключают возможность вторжения индивидуализированных предпочтений. Однако это не так. Представим себе, что деятель имеет возможность взглянуть на членов обеих групп и в меньшей группе обнаруживает больше симпатичных ему лиц, что и становится основанием его решения оказать помощь меньшей группе. На уровне интуитивных моральных оценок такое решение выглядит крайне сомнительным. И это связано именно с проявленной деятелем пристрастностью. Он выбрал действие, которое ведет к большому страданию или числу смертей, чем доступная альтернатива, опираясь на такой малозначительный фактор, как свои субъективные эстетические предпочтения в отношении привлекательности человеческих лиц. Если ту же ситуацию модифицировать

применительно к другим индивидуальным предпочтениям, то интуитивная реакция может оказаться иной. Скажем, если меньшую группу составят собственные дети или ближайшие друзья потенциального спасителя, то нелицеприятное беспристрастное решение уже будет восприниматься как сомнительное¹. И разумеется, решение, продиктованное родственными или дружескими чувствами, не подвергнется осуждению. Однако отсюда не следует вывод, что беспристрастность неуместна или не ценна в области реализации моральных идеалов. Гораздо более обоснованным будет тезис о том, что какие-то проявления предпочтительного отношения к «своим» или близким людям в этой области могут перевешивать необходимость беспристрастного отношения ко всем реципиентам действия, обладающим равной моральной ценностью.

Не выдерживает критики и предложенная Б. Гертом изоляция индивидуального следования моральным идеалам от их реализации посредством общественных институтов, порождающих систему специализированных социальных ролей и обязанностей. Как мы видели, исследователь считает оправданным превращение беспристрастности в моральный долг лишь во втором случае. Однако беспристрастная общественная система реализации моральных идеалов нуждается в одобрении и поддержке со стороны отдельных членов общества. И они поддерживают ее, исходя не из специальных обязанностей внутри какого-то из общественных институтов, а опираясь на собственные убеждения, которые включают как негативное, так и позитивное нормативное содержание (нормы-запреты и идеалы). Поддержка институтов неразрывно связана с их совершенствованием. И в этом процессе отдельные члены общества также неизбежно совмещают следование моральным идеалам с беспристрастностью.

Таким образом, любое частное моральное требование при его исполнении предполагает беспристрастность в силу того, что является конкретизацией предельно общей обязанности «содействуй благу другого в силу того, что он человек». Тот факт, что безличные критерии выбора реципиентов в некоторых случаях уступают личным (зависящим от субъективных особенностей самого деятеля и его жизненного нарратива), свидетельствует лишь о том, что обязанность быть беспристрастным, будучи обязанностью *prima facie*², в этих случаях обоснованно отклоняется. Возможность такого отклонения порождает вопрос о том,

А.В. Прокофьев
Беспристрастность: анализ
морального
понятия

¹ Психологами проведены эмпирические исследования, подтверждающие этот факт [см.: 11].

² Обязанность, по отношению к которой невозможно ответить на вопрос, потребует ли ее исполнение в определенной ситуации, до определения относительной силы всех прочих обязанностей деятеля.

близости по отношению к отдельным людям. В нем предпочтительное отношение к «своим» или близким рассматривается либо как нечто морально безразличное, либо как часть морального долга [см.: 10].

Однако утилитаристская беспристрастность второго порядка — не единственный или самый распространенный ее вариант, поскольку имеет ряд слабых мест. Лежащая в основе утилитаристского подхода интерпретация равной ценности каждого человека может считаться поверхностной и слишком бедной. Она открывает широкие возможности для использования одних людей ради блага других, то есть для установления неравенства. Кроме того, в ходе оценки универсальных нормативных систем на основе утилитаристского критерия парализуется суммирование удовлетворенных потребностей и интересов. Если в утилитаризме первого порядка (утилитаризме действий) расчет полезности осуществляется для ограниченной группы людей, затронутых действием (сам деятель и реципиенты действия), то утилитаризм второго порядка (утилитаризм правил) требует оценки воздействия нормативной системы на неопределенно большое число людей (человечество).

Другой подход к обеспечению беспристрастности второго порядка неуязвим по отношению к названным критическим аргументам. Он связывает уважение к равной ценности каждого человека с получением согласия на определенное обращение со стороны его реципиентов. Речь, конечно, идет не о реальном согласии, получаемом со стороны конкретных людей, подвергнуться тому или иному обращению. В условиях сложного пересечения интересов и наличия множества индивидуализированных факторов, влияющих на согласие или несогласие реципиента с тем или иным обращением, это был бы абсолютно нереалистичный критерий — ни одна нормативная система не смогла бы его пройти. Здесь можно говорить лишь о гипотетическом разумном согласии со стороны каждого беспристрастного индивида, признающего равную ценность всех людей, включая его самого.

Рассматриваемый вариант беспристрастности второго порядка соответствует договорной этике, в которой существенную роль играют разного рода воображаемые процедуры, обеспечивающие сохранение беспристрастности. Это могут быть: кантовская процедура воображаемого превращения максимы поведения в природный закон [см.: 3; 1]; изобретенный Дж. Ролзом занавес неведения — тест, который скрывает от человека его реальное место в обществе, определяемое социальными и генетическими случайностями [см.: 4; 5] (рис. 3); предложенное Т. Скэнлоном воображаемое предоставление каждому человеку, затронутому реализацией принципа, права на разумных основаниях наложить вето на этот принцип [см.: 14; 5]; процедура, в ходе которой моде-

А.В. Прокофьев
Беспристрастность: анализ морального понятия

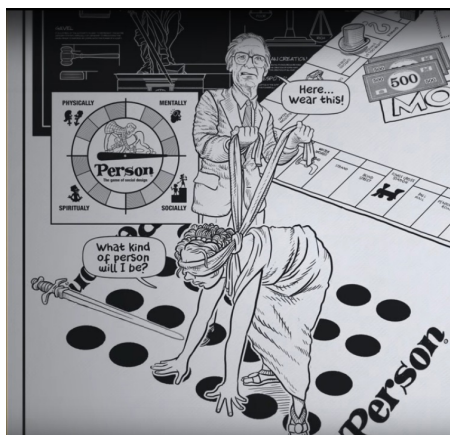

Рис. 3. Фрагмент из анимационного ролика BBC «Что такое справедливость? Занавес неведения» (сценарист — Найджел Уорбертон, художник — Эндрю Парк)
Юмористическое изображение одного из тестов на беспристрастность, используемых в современной этике, — занавеса неведения. Предложивший этот тест американский философ Дж. Ролз завязывает глаза богине Фемиде, олицетворяющей справедливость, и произносит: «Эй... поноси-ка вот это!». Фемиде задается вопросом: «Какой же личностью я буду?»

лируется выбор принципов беспристрастным, благожелательным и осведомленным наблюдателем (в современной этике использована А. Сеном [15])³.

На выходе упомянутых процедур в принципе может оказаться ничем не ограниченная беспристрастность первого порядка, например в ее утилитаристском варианте. Это полностью устранило бы пространство для должной и даже допустимой пристрастности. Однако в большинстве случаев теории приходят к выводу, что разумные люди в воображаемых условиях, способствующих сохранению беспристрастности, не согласятся на принципы, аннулирующие данное пространство. Будучи беспристрастными и ориентированными на равную ценность всех индивидов, они не одобряют такую систему отношений между людьми, которая не предоставляет возможностей практически реализовать дружбу, любовь, кровное родство, гражданское, культурное, религиозное единство. Значит, беспристрастность первого порядка в свете договорной беспристрастности второго порядка займет какое-то ограниченное место и будет разведена с предпочтительным отношением к «своим» и близким.

Против идеи беспристрастности второго порядка (в любой ее интерпретации) выдвинут довольно сильный контраргумент, состоящий в том, что границы между сферой свободной реализации предпочтений и сферой проявления беспристрастности не могут иметь существенного значения для реальных деятелей, поскольку привязанности к «своим» и близким людям являются непосредственно мотивирующими. И даже более того — сохранение такой мотивации служит критерием подлинности любви, дружбы, родительских чувств или патриотических переживаний. Это означает, что любое размышление о моральных границах своей

³ Интересный сравнительный анализ этих процедур в связи с проблемой беспристрастности провел Д. Парфит [см.: 13].

пристрастности, то есть любое обращение к беспристрастности второго порядка, не только бессмысленно, но и попросту табуировано для влюбленных, друзей, родителей, патриотов и т.д.⁴

Как предположила С. Мендус, единственный выход из подобной ситуации — не правомерность персонализированных предпочтений обосновывать в свете беспристрастности, а, наоборот, необходимость беспристрастного обращения с людьми укоренять в опыте персонализированных предпочтений. Так, нарушение требования быть честным ради друга, по мнению исследовательницы, не может быть аутентичным выражением дружбы, поскольку никто не разрешил бы своему другу пожертвовать ради себя чистой совестью [см.: 12]. Однако данная аргументация неизбежно разрушает непосредственность мотива «делаю X ради друга», несмотря на все попытки Мендус избежать этого. Тот, кто нуждается в совершении другом бесчестного поступка, но отказывается от подобного способа решения своих проблем, воспринимает потери (жертвы) друга в перспективе всеобщего и беспристрастного осуждения определенных действий. Это осуждение не восходит к дружбе и вменяется другу внешним образом, даже если тот с ним не согласен (например, безразличен к совершению бесчестных поступков). Следовательно, мысль о том, что нам удастся сохранить нормативные ограничения поступков, мотивированных любовью, дружбой, патриотической преданностью, и вместе с тем ускользнуть от обращения к беспристрастности второго порядка, неверна. Впрочем, это не создает трагической для морального сознания ситуации, поскольку разрушительный эффект такого обращения для романтической и родительской любви, дружбы и патриотизма сильно преувеличен.

Подводя итог проведенного исследования места беспристрастности в опыте практического самоопределения человека, можно утверждать следующее:

- учитывая невозможность обосновать содержание морали, опираясь на ее форму, беспристрастность правильнее рассматривать не как формальную характеристику морали, а как частный аспект ее содержания;
- беспристрастность в разных своих проявлениях присутствует во всех составляющих нормативного содержания морали — как в сфере запретов, так и в области позитивных предписаний;
- беспристрастность исполняет в морали двойную роль: критерия выбора правильных поступков (беспристрастность первого порядка) и критерия отбора конкретизированных принципов (бес-

А.В. Прокофьев
Беспристрастность: анализ морального понятия

⁴ У истоков такой аргументации стояли Б. Уильямс [17] и М. Стокер [16].

Abstract. The paper analyses the meaning and the place in the moral experience of the phenomenon of impartiality. There is a possibility to understand impartiality as a formal feature of moral principles and judgments. In that case, it appears to be the direct effect of the way moral concepts are generally used. At the same time, the necessity to treat all the recipients of an action impartially could be inferred from the basic normative content of morality i.e. the equal intrinsic value of every human being generating the duty to promote his\her good. Some contemporary ethicists advance the thesis that the duty to be impartial pertains only to a part of moral values. According to B. Gert, it is appropriate in the sphere of basic prohibitions on different types of harming and justified exceptions to them. The fulfillment of positive duties (following moral ideals) allows an unlimited preferential treatment of close persons and groups. The analysis of the common morality does not corroborate this thesis. The impartial attitude is required of a moral agent fulfilling positive duties, though, in some specific conditions it could be overridden by the most important personal relations, commitments and attachments. It is essential for morality that such situational priority of partial reasons should be justified from an impartial perspective. This implies that moral impartiality plays a dual role: it is a criterion of right and wrong in the sphere of actions and a basis for choosing principles that establish external limits of partiality. The author tries to demonstrate that this duality does not create insoluble normative and motivational paradoxes.

Keywords: morality, impartiality, formal moral features, universality, content of morality, first-order impartiality, second-order impartiality.

For citation: Prokofyev A.V. Impartiality: the Analysis of a Moral Concept // *Chelovek*. 2019. Vol. 30, N4. P. 6–24. DOI: ...

А.В. Прокофьев
Беспристрастность: анализ морального понятия

References

1. Apressyan R.G. Kant, test na universal'nost' i kriterii morali [Kant, Universality Test, and a Criterion of Morality]. *Filosofskie nauki*. 2018. N11. P. 70–85.
2. Apressyan R.G., Artemieva O.V., Prokofyev A.V. *Fenomen moral'noi imperativnosti: Kriticheskie ocherki* [The Phenomenon of Moral Normativity: A Critical Essay]. Moscow, RAS Institute of Philosophy Publ., 2018. P. 16–37.
3. Kant I. *Osnovopolozhenie k metafizike нравов* [Groundwork of the metaphysics of morals]. Kant I. *Soch.: v 4 t., na nem. i rus. yaz.* [Works: in 4 vol., in Germ. and Russ.]. Vol. 3. M.: Moskovskii filosofskii fond Publ., 1997. P. 145.
4. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk: Novosibirsk St. Univ. Publ., 1995. P. 127–131.
5. Prokofyev A.V. Printsip soglasiya i primeneniye sily [Consent-principle and the Use of Force]. *Voprosy filosofii*. 2014. N4. P. 40–42.
6. Prokofyev A.V. Universal'nost' kak svoistvo moral'nykh yavlenii [Universality as a Feature of Moral Phenomena]. *Voprosy filosofii*. 2018. N11. P. 50–53.
7. Barry B. *Justice as Impartiality*. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 11.
8. Gert B. *Morality: Its Nature and Justification*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2005.
9. Hare R.M. *Sorting out Ethics*. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 23.
10. Hooker B. When Is Impartiality Morally Appropriate? *Partiality and Impartiality: Morality, Special Relationships, and the Wider World*, ed. by B. Feltham and J. Cottingham. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. P. 26–41.

